

О ЧЕМ РАССКАЗЫВАЮТ СТРАНИЦЫ СЛЕДСТВИЯ

Допрашивая Зорге и других обвиняемых, японские следователи меньше всего предполагали, что протокольные записи допросов, которые они вели, станут когда-либо достоянием истории. А между тем эти документы рисуют не только облик советского разведчика, верного борца за дело мира, но и позволяют почувствовать самый дух миролюбивой политики СССР.

На одном из заключительных допросов Рихард Зорге говорил: «Советская сторона в течение многих лет занимала позицию устранения трений и столкновений с Японией. Это подтверждается целым рядом примеров... Конечно, я отнюдь не думаю, что мирные отношения между Японией и Советским Союзом поддерживались только благодаря нашей деятельности, но мы во всяком случае способствовали этому»¹.

Опытные инквизиторы, не пренебрегавшие ни пытками, ни средствами шантажа, насилий и провокаций, добивались одного — юридически узаконить жестокую расправу над людьми, ставшими на путь борьбы против фашизма и войны. «Прокуроры и судьи,— пишет Син Аоти,— по несколько раз переделывали протоколы допросов, стремясь так состряпать дело», чтобы вынести обвиняемым наиболее суровые приговоры вплоть до смертных². Можно было не церемониться: «дело» относилось к категории кёкукумицу (совершенно секретно) и навсегда должно было быть скрытым от суда общественности в архивах министерства юстиции.

Но вопреки всем ухищрениям судейских крючкотворов, старавшихся исказить существо дела, в протоколах и

¹ «Материалы по современной истории. Дело Зорге», т. I, стр. 302.

² Син Аоти, Поворотные пункты современной истории, стр. 197.

других материалах следствия явственно проступают контуры подлинной истории деятельности группы Зорге, ее характера и целей.

Нельзя, разумеется, не учитывать, что это — документы следствия. В их составлении участвовали, с одной стороны, обвиняемые, как правило ограниченные в свободном изложении своих взглядов, а с другой — полицейские чиновники и следователи, ставившие своей целью, как справедливо отмечает проф. Р. Минобэ, «не объективное расследование фактов, а их искажение»³. И все же при всей «специфичности» происхождения этих документов они позволяют правильно оценить деятельность группы Зорге. Хотя в общей сложности они и насчитывают свыше 2000 страниц убористого текста, однако далеко не полностью включают все документы, относящиеся к следствию и судебному процессу. Так, например, в них нет ни одного протокола допросов Зорге, Клаузена и Мияги на первой стадии следствия, которое велось чиновниками токко. Следственные материалы в отношении Вукелича представлены только несколькими отрывками из так называемых записок Вукелича. Но здесь нет ни одного протокола допроса Вукелича.

Особенно скупо представлен судебный процесс на той стадии, когда «дело Зорге» слушалось коллегией Токийского окружного суда. Имеются лишь тексты приговоров в отношении каждого обвиняемого (за исключением М. Клаузена), но нет ни одного документа, освещающего самый ход судебного разбирательства (допросы на суде, прения сторон и т. д.). Между тем в послевоенную японскую печать проникли отрывочные сведения, касающиеся этой стадии судебного процесса.

Значительная часть подлинников архива «дела Зорге», как уже упоминалось, либо сгорела в конце войны при пожаре в министерстве юстиции, возникшем в результате налета американской авиации, либо была уничтожена сразу после капитуляции японскими чиновниками. Опубликовать же удалось лишь обнаруженные копии, хранившиеся в других местах. Помимо того, можно предположить, что какая-то часть документов все еще держится под замком в самой Японии, оставаясь недоступной. Попробуем проследить и тот путь, который про-

³ Цит. по: «Иомиури», 13. IX. 1962 (веч. вып.).

делали документы архива «дела Зорге», прежде чем попасть на страницы «Материалов по современной истории».

В первые же годы оккупации сохранившаяся часть архива «дела Зорге» была захвачена штабом американских оккупационных войск. По инициативе генерала Уиллоуби, возглавлявшего разведывательный отдел штаба, эти архивные материалы в свое время были использованы для раздувания антикоммунистической истерии и шпиономании как в самой Японии, так и в Соединенных Штатах. Захваченный архив находился в бесконтрольном владении американских властей до первой половины 50-х годов.

Имеются весьма серьезные основания полагать, что власти США, прежде чем возвратить архив «дела Зорге» Японии, изъяли из него ряд материалов. Почему это было сделано?

Судя по сохранившимся материалам следствия, Зорге интересовался японо-американскими отношениями, стремясь выяснить, какое влияние оказывали США на политику Японии в отношении СССР. Из документов видно, что информацию по этому вопросу он получал главным образом от Вукелича, имевшего связи с американскими кругами в Токио. Однако именно материалы о Вукеличе, оказавшиеся в распоряжении японского издательства «Мисудзу сёбо», как мы уже сказали, были очень ограничены.

Обратимся, например, к судьбе протоколов допросов Бранко Вукелича. Составители публикации пишут, что «в настоящее время увидеть протоколы допросов Вукелича оказалось невозможным»⁴, выражая тем самым предположение, что какая-то часть этих протоколов все же сохранилась. Это предположение не лишено основания. В 1952 г. Уиллоуби опубликовал книгу, посвященную деятельности группы Зорге⁵. И вот в этой книге, «сетуя» на ограниченность сведений о Вукеличе в находившихся тогда в его распоряжении японских архивах, генерал тем не менее пишет, что «большинство протоколов до-

просов Вукелича утрачено»⁶. Большинство! Значит, в то время в распоряжении Уиллоуби какая-то часть допросов Вукелича все же находилась! Кроме того, характеризуя связи Вукелича с английским и американским посольствами, Уиллоуби также ссылается на показания самого Вукелича. А ведь в сборнике нет ни одного протокола допроса Вукелича. Несомненно, генерал Уиллоуби располагал значительно более обширным материалом о связях Вукелича, нежели составители японской публикации. И они тоже считают, что заключительная часть «записок Вукелича», в которой как раз и излагаются деятельность и связи Вукелича в Японии, все же сохранилась, но «получить их пока не удалось, и остается только ждать осуществления этой возможности»⁷.

Несомненно, что японские архивы по «делу Зорге» были основательно «препарированы» американскими властями. Мотивы этого вполне понятны. Связи Вукелича с членами американской колонии и его осведомленность о тайных замыслах Вашингтона стали причиной того, что материалы о Вукеличе были изъяты из архива. Косвенно это подтверждает буржуазный американский автор де Толедано, сообщая, что, перед тем как давать свои показания в комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, генерал Уиллоуби был тщательно проинструктирован Пентагоном. «Ему было указано, что он может говорить и чего не должен говорить»⁸.

Можно предположить, что подобного рода мероприятия по «очистке» были осуществлены в документах, касающихся и других обвиняемых.

Как уже было сказано ранее, следствие по «делу Зорге» возглавлял Тонэо Накамура. Фактически же главную роль здесь играл прокурор Мицусаса Ёсикава, лично проводивший допросы Зорге. На первом этапе следствия дознание велось чиновниками токко, а затем в разные сроки — прокуратурой. Так, формальные допросы Рихарда Зорге (прокурор Ёсикава) начались 10 февраля 1942 г., Одзаки (прокурор Тамасава) —

⁴ «Материалы по современной истории. Дело Зорге», т. I, стр. XIII.

⁵ См.: Charles A. Willoughby, *Shanghai Conspiracy: the Sorge Spy Ring*, ed. 1, New York, 1952.

⁶ Там же, стр. 59.

⁷ «Материалы по современной истории. Дело Зорге», т. I, стр. XIII.

⁸ Ralph de Toledano, *Spies, Dupes and Diplomats*, New York, 1952, стр. 116.

5 марта, а допросы Клаузена (прокурор Ио) — 14 марта.

Ведение следствия токко осуществлялось под наблюдением прокуратуры, однако фактически оно проходило в обстановке соперничества между ними⁹. Каждое ведомство из карьеристских побуждений стремилось сыграть главную роль в таком «сенсационном» деле. Об этом, в частности, свидетельствует содержание протоколов совещаний у верховного прокурора, на которых Тонэо Накамура неоднократно жаловался, что главное полицейское управление в лице токко стремится вести дело «автономно», не считаясь с прокуратурой. «Данное дело для главного полицейского управления с самого начала было большим событием, но сейчас надо спланировать так, чтобы вести следствие наиболее радикально... но сколько мы их (чиновников токко.— С. Б.) ни убеждали, они не соглашались»,— говорил Накамура 28 февраля на совещании у верховного прокурора. Он настаивал на передаче ведения следствия полностью в руки прокуратуры, мотивируя интересами скорейшего завершения следствия¹⁰.

Благодаря воспоминаниям переводчика Икома, а также показаниям Ёсикава, дававшимся им после оккупации Японии генералу Уиллоуби, а затем, в 1950 г., комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, можно воссоздать в общих чертах обстановку, в которой проходили следствие и судебное разбирательство в отношении Рихарда Зорге.

Все допросы проводились инспекторами токко и прокурорами в тюрьме Сугамо, в комнате тюремного священника или другом специально для этого выделенном помещении.

Как явствует из показаний Ёсикава, Зорге допрашивали ежедневно с 9 часов утра и до позднего вечера. До 3 часов дня допросы вел инспектор токко Охаси, а затем за «дело» брался сам Ёсикава. Вот как он об этом рассказывает: «Вначале я информировал Зорге в общих чертах о предстоящем допросе и его главных пунктах.

⁹ Прокуратура находилась в ведении министерства юстиции, токко — министерства внутренних дел.

¹⁰ «Материалы по современной истории. Дело Зорге», т. II, стр. 541.

Со своей стороны Зорге выдвигал собственные требования.

Мои познания немецкого и английского языков несовершенны, допрос требовал много времени, но Зорге не хотел переводчика... Поэтому когда у нас возникали трудности в понимании, Зорге давал письменные объяснения. Когда же общая линия допроса была наконец определена, Зорге в моем присутствии, здесь же, в следовательской комнате, писал на пишущей машинке свои показания на немецком языке.

Когда Зорге кончал главу или раздел своих показаний, он зачитывал их мне, а после внесения по моему требованию поправок или дополнений передавал написанное в мои руки. Эти показания были написаны Зорге в одном экземпляре¹¹. Они составили первую часть так называемого второго варианта записок Зорге, приобщенных затем к судебному делу в качестве вещественного доказательства.

Позднее, при ведении процедуры ёсин, на вопрос судьи о происхождении этого документа Зорге ответил: «Я написал его согласно требованию прокурора и на тему, им предложенную. Что касается содержания, то оно зависело от моей воли, и я не встречал здесь ограничений»¹².

У второй же части второго варианта «записок Зорге», опубликованных в «Материалах по современной истории», несколько иное происхождение. По словам Ёсикава, Зорге, написав на пишущей машинке показания по ряду вопросов, в дальнейшем отказался от этой формы. Тогда Ёсикава подготовил вопросы и поручил Икома записывать устные ответы Зорге. Таких записей, как говорил Ёсикава, было около 38. Записи, сделанные на японском языке, переводились Икома на немецкий и давались для просмотра Зорге, и он ставил свою подпись. Затем Икома оформлял эти материалы на японском языке как официальные документы, которые скреплялись подписями Ёсикава и Икома.

«Таким образом,— заключал Ёсикава,— первая часть напечатана лично Зорге на пишущей машинке, а вторая — это по существу протоколы допроса»¹³. Такова

¹¹ Там же, т. I, стр. IX—X.

¹² Там же, стр. 331.

¹³ Там же, стр. XI.

история происхождения второго варианта «записок Зорге»¹⁴.

Составление подобных «записок», как сообщают комментаторы публикации, было обычным явлением в следственной практике того времени¹⁵. Так же были составлены аналогичные «записки» Вукелича и Мияги, обнаруженная часть которых опубликована в «Материалах по современной истории», а также «записки Клаузена». Их судьба до сего времени остается неизвестной («записки Клаузена», опубликованные в третьем томе «Материалов по современной истории», подобно первому варианту «записок Зорге», представляют собой обобщенную запись допросов, производившихся чиновниками токко)¹⁶.

При знакомстве с происхождением второго варианта «записок Зорге» может возникнуть вопрос: почему Зорге дал согласие лично изложить показания по одному кругу вопросов, предложенных ему прокурором, но отказался сделать то же самое в отношении остальных? Прежде всего потому, что Зорге всеми доступными ему средствами стремился противостоять версии, навязываемой следственными органами.

Уже на первой стадии следствия, когда допросы велись чиновниками токко, инспектор Охаси, ссылаясь на идейные убеждения Зорге, настойчиво муссировал идею, будто деятельность Зорге и его товарищей была направлена против существующего в Японии государственного строя и проводилась в интересах «международной коммунистической революции». При всей очевидной нелепости такого, мягко говоря, домысла умозаключение Охаси легло в основу составленного им 11 марта резюме по итогам следствия в отношении Рихарда Зорге¹⁷.

¹⁴ В период оккупации одна из копий этих «записок» была конфискована оккупационными американскими властями и переведена на английский язык. Можно предположить, что текст второго варианта «записок Зорге», опубликованный в «Материалах по современной истории», содержит неточности, поскольку он заимствован из послевоенных публикаций, отредактированных с учетом английского перевода. См. «Материалы по современной истории. Дело Зорге», т. I, стр. XI.

¹⁵ См. там же, стр. VI—VII.

¹⁶ См. там же, т. III, стр. VII—VIII.

¹⁷ См. там же, т. II, стр. 491—509.

Из такой же предвзятой и примитивной презумпции исходили и следователи прокуратуры, в первую очередь Ёсикава. Это, разумеется, объяснялось не узостью кругозора или ограниченностью Ёсикава или других чиновников, выделенных для ведения следствия и суда. Наоборот, по словам Икома, прокурор Ёсикава, судья Кодзо Накамура, проводивший процедуру ёсин, и председатель окружного суда Тадаси Такада считались в то время наиболее известными и опытными юристами в Японии. Да иного выбора японские власти и не могли сделать — ведь этим юристам предстояло иметь дело с человеком, который, по отзыву инспектора Охаси, обладал «чрезвычайно богатыми знаниями и опытом как в области теории, так и в области практики»¹⁸.

С самого начала следователи, используя любые средства, добивались от обвиняемых доказательств, подтверждающих их версию. Например, на первом же допросе Хоцуми Одзаки прокурор Тамасава предъявил ему обвинение в том, что, придерживаясь в течение ряда лет марксистских воззрений, он «поддерживал Коминтерн и японскую компартию, а в своих статьях пропагандировал идеи коммунизма и действовал в интересах Коминтерна и японской компартии»¹⁹.

Одзаки категорически отверг предъявленное ему обвинение. И это соответствовало истине: он никогда не состоял членом компартии Японии и никогда не имел каких-либо связей ни с одной из ее организаций. Следовательно, он никогда не принимал какого-либо участия в ее деятельности. Но он не отрицал того, что еще в студенческие годы идеи марксистско-ленинской философии оказали огромное влияние на формирование его мировоззрения.

Одзаки считал себя убежденным марксистом. Когда следователь предложил Одзаки изложить свои взгляды на пути развития общества, он сказал: «Мы, марксисты, твердо убеждены в неизбежности краха мирового капитализма и перехода общества к последующей за ним ступени общественного развития. С того времени, как я стал придерживаться воззрений исторического материализма, я неизменно убеждался, что события миро-

¹⁸ Там же, стр. 508—509.

¹⁹ См. там же, стр. 99.

вой истории постоянно подтверждают правильность высказанного мною взгляда»²⁰.

Одзаки понимал, что империалистическая война вопреки воле ее организаторов активизирует передовые общественные силы, способные покончить и с империалистической войной, и с социальной системой, ее порождающей. Кто сеет ветер, тот пожнет бурю. «По моему убеждению, — говорил Одзаки на допросе 24 февраля 1942 г., — подобно тому как первая мировая война привела к рождению Советского Союза, так и вторая мировая война приведет к образованию многих социалистических государств, прежде всего из числа тех стран, которые потерпят в ней поражение или сильно изнурятся в ней»²¹.

На этом же допросе Одзаки сказал, что он видит будущее своей страны на пути освобождения от капиталистического строя, на пути социалистического развития. Он выразил уверенность в том, что процветание Восточной Азии станет возможным только в результате освобождения колониальных и полуколониальных народов Азии от господства иноземного империализма, «что должно явиться неизбежным следствием этой войны и их равноправного сотрудничества с социалистической Японией и Советским Союзом»²².

Таковы были взгляды Одзаки. Однако он был лишен возможности из-за ограниченной цензуры пропагандировать их в своих статьях и, быть может, впервые на следствии вынес их за пределы узкого круга своих идейных единомышленников. Но этого было достаточно, чтобы следственные органы объявили Одзаки опаснейшим государственным преступником, а его участие в группе Зорге квалифицировали как деятельность, направленную против «национального образа правления» в Японии.

Естественно поэтому, что, когда Зорге из бесед с Ёсикава уяснил намерение прокурора представить его группу как некий «орган» Коминтерна, созданный в Японии с целью «заговора» против ее государственного строя, он счел своим первоочередным долгом сорвать эту провокационную попытку. Отсюда его согласие дать письменные показания по ряду вопросов, предложенных ему

прокурором Ёсикава. Отобрав из них именно те, которые он считал наиболее существенными для достижения поставленной им цели, Зорге в своих ответах решительно опроверг версию следователей. При этом Зорге подчеркивал, что ни его группа, ни он сам не имели ни малейшего отношения к Коминтерну²³.

Будучи ограниченным рамками вопросов, поставленных прокурором Ёсикава, Зорге тем не менее сумел вложить в свои ответы такое содержание, которое разоблачало всякого рода небылицы о характере и деятельности Коминтерна, о его мнимой роли как «орудия Москвы», о мифическом стремлении Советского Союза, опираясь на Коминтерн и свои вооруженные силы, «обольшевичить» весь мир, а также другие провокационные домыслы, столь характерные для антикоммунистов. Разоблачая нелепые клеветнические вымыслы о советском «тоталитаризме», об агрессивном характере «мирового коммунизма» и об «экспорте революции», Зорге подчеркивал, что «возможность осуществления пролетарской революции есть дело рук только рабочего класса» данной страны²⁴.

Рихард Зорге с чувством большой гордости говорил о ВКП(б) — партии, к которой он принадлежал, — как о старейшей и наиболее сильной партии международного коммунистического движения. Коммунистическая партия Советского Союза, писал Рихард Зорге, — это партия страны, где уже победил социалистический строй, это партия, которая сплотила вокруг себя 150 млн. человек разных национальностей. Это партия, имеющая за своими плечами многолетний опыт борьбы в предреволюционный период, опыт победоносной революции, опыт успешного строительства социализма. Рихард Зорге писал, что огромный опыт Коммунистической партии СССР снискал ей заслуженный авторитет в международном рабочем движении. Особенно этот авторитет возрос, подчеркивал Зорге, в связи с тем, что отсталая и полунищая в прошлом Россия под руководством Коммунистической партии только собственными усилиями самого народа в короткое время превратилась в одну из сильнейших держав мира.

²⁰ Там же, стр. 200—201.

²¹ Там же, стр. 128.

²² Там же, стр. 128—129.

²³ См. там же, т. I, стр. 146—147.

²⁴ Там же, стр. 147—148.

Staline avait-il tenu compte des renseignements de Sorge?

par Drago ARSENIJEVIC

Pendant longtemps l'Union soviétique n'a pas voulu admettre — officiellement — l'existence de son service d'espionnage (ce qui n'empêchait pas ce dernier d'être l'un des plus perfectionnés du monde). A présent, la vapeur est complètement renversée. Non seulement on fête à Moscou, avec grand fracas, les 50 ans d'existence du service de renseignement mais, de surcroît, on fait une publicité extraordinaire aux espions soviétiques. On dévoile les photos de George Blake se promenant avec sa mère dans les parcs de Moscou, de Philby sur la Place Rouge ou en compagnie de l'ex-Mme MacLean. On publie même des livres sur les espions, à commencer par Richard Sorge, bien entendu (1).

A tout seigneur tout honneur, les autres suivront. Sorge était bel et bien l'espion-héros type. Nous avons déjà fait état d'une quantité considérable de livres consacrés à Richard Sorge. Jamais, cependant, les services d'espionnage soviétiques n'avaient ouvert leur propre dossier du plus brillant agent que l'URSS ait eu jusqu'ici. Voilà qui est fait. Il est donc intéressant de voir ce que ce nouveau livre apporte à l'histoire de cet espion exceptionnel.

● Sorge annonça à Staline que le Japon n'attaquerait pas l'URSS

Sur l'activité de Sorge ne plane plus aucun mystère. Sa vie en Allemagne est connue, son stage en URSS où il prépara sa mission en Extrême-Orient aussi. Sa brillante carrière de journaliste lui permit de devenir l'attaché de presse d'Allemagne à Tokio. Son réseau (« Ramzai ») fut d'une efficacité étonnante. Le 28 septembre 1940 déjà, Sorge annonça que les Allemands étaient en train de préparer « une action contre l'URSS ». Le 15 juin 1941 Sorge donna même la date du début des hostilités : « La guerre éclatera le 22 juin. »

Il n'était pas le seul, c'est entendu. Rudolf Roessler, qui opérait à Lucerne, avait

laissé, lui-aussi, attaquer l'Union soviétique ? Le 12 août 1941 Sorge rassurait Moscou : « Les Allemands exercent de jour en jour une pression de plus en plus forte sur le Japon pour qu'il entre en guerre. Mais l'échec des Allemands devant Moscou dimanche dernier a refroidi l'enthousiasme

posthume (3). Il y a là un effort non dissimulé des Soviétiques de valoriser le métier d'espion.

D'une part le gouvernement soviétique entend démontrer qu'être agent à la solde du Kremlin est tout ce qu'il y a de plus honorable et que, de surcroît, la patrie sait

toute petite phrase à la fin de l'ouvrage qui dit ceci : « Les rapports falsifiés qui ont foisonné à l'époque du culte de la personnalité ayant été minutieusement élagués, la véritable histoire de Richard Sorge est maintenant connue du peuple soviétique. »

Qu'est-ce à dire ? Qu'il a fallu attendre vingt ans pour réhabiliter Sorge et, du même coup, accabler Staline. Ce n'est que lorsque Nikita Khrouchchev mit fin au culte de la personnalité que les Soviétiques commencèrent à discuter ouvertement les erreurs commises lors de l'offensive allemande de juin 1941 contre l'URSS. On apprit alors que Staline négligeait les avertissements qui lui parvenaient de ses services secrets sur l'imminence de l'attaque hitlérienne, qu'il répugnait autant à collaborer avec le service des renseignements militaires que de se conformer aux plans stratégiques du haut commandement soviétique. C'est là qu'il faut chercher la méconnaissance, pendant longtemps, du rôle joué par Sorge. A l'époque, paraît-il, les informations fournies par Sorge de Tokio étaient classées comme « renseignements suspects et fallacieux ».

● Le livre serait-il pro-stalinien ?

Le déboulonnage de Staline amenait la réhabilitation de Sorge. Aujourd'hui, cependant, on n'accable plus Staline. Dans le livre russe dont nous nous occupons les auteurs essaient même de nous démontrer que le généralissime-dictateur avait tenu compte des messages de Sorge. Comme nous l'avons déjà signalé plus haut, lorsque le 12 août 1941 Sorge rassura Moscou sur les intentions des Japonais, son message parvint sur la table de travail de Staline. Puis, quand la contre-offensive soviétique fut lancée, les unités ramenées d'Extrême-Orient se trouvèrent en première ligne. Et les auteurs de souligner un fait ignoré : « Mais peu de gens savaient le rôle qu'avaient joué certains messages (4) dans la décision prise par le quartier général de retirer de la frontière d'Extrême-Orient ces excellentes divisions aguerries et bien équipées pour les ramener à Moscou... »

A présent, donc, on veut nous faire croire que Staline a tenu compte des informations fournies par Sorge. On se garde bien de le nommer (on ne parle que du « quartier général »), mais cela revient au même, car une décision aussi capitale n'aurait jamais pu être prise sans le consentement du commandant suprême.

Il ne faut d'ailleurs pas s'y tromper : à l'heure actuelle Staline a beaucoup moins d'importance que Sorge. Le culte de la personnalité est bien enterré et personne n'a envie de le ressusciter. En revanche, la légende d'un espion-héros a besoin d'être maintenue bien vivante.

(1) *Le vrai Sorge*, par S. Goliakov et V. Ponizovsky (Ed. Fayard).

(2) *Le cas Sorge*, par F. W. Deakin et G. R. Story (Ed. Laffont).

(3) Arrêté le 18 octobre 1941, Sorge fut condamné à mort et pendu le 7 novembre 1944.

(4) Il s'agit, évidemment, des messages de Richard Sorge.

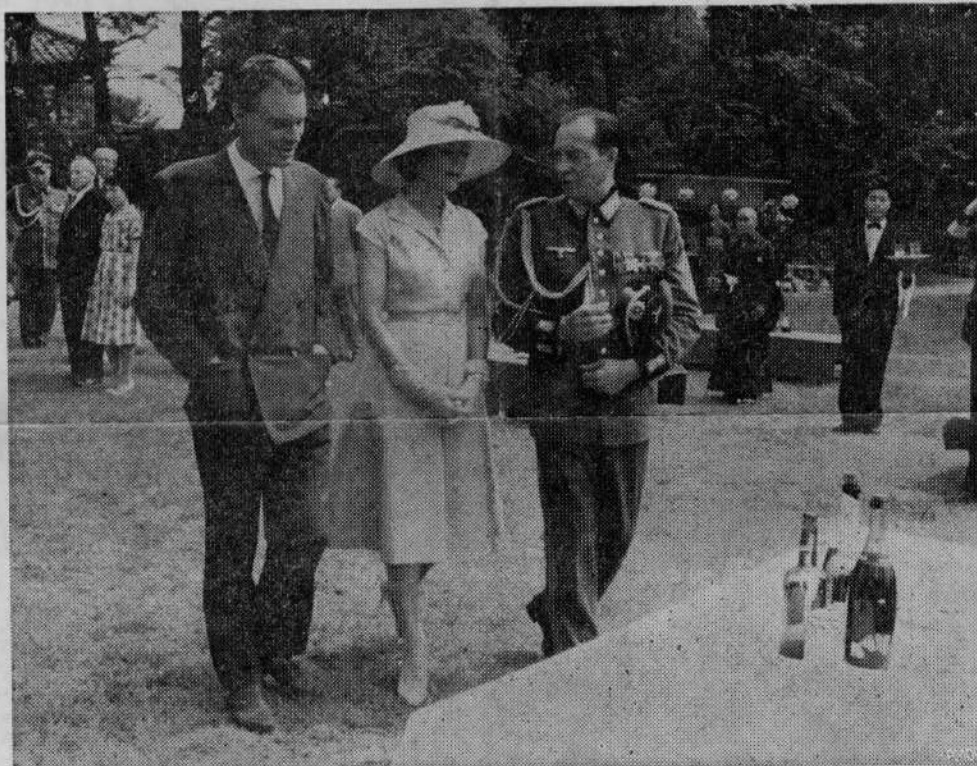

Photo Sadfi films

Dans le film d'Yves Ciampi : « Qui êtes-vous M. Sorge ? » on voit le fameux espion (à gauche) prenant part à une garden-party dans les jardins de l'ambassade d'Allemagne, en compagnie de l'attaché militaire du 3e Reich.

des Japonais ». Ce message, nous révèlent les auteurs de l'ouvrage, fut présenté à Staline. Sur la base des renseignements fournis par Sorge, l'URSS retira des troupes de l'Extrême-Orient, qui faisaient face au Japon, et lança sa victorieuse contre-offensive devant Moscou.

● Trahi par un message écrit de sa propre main

Richard Sorge fut arrêté par les Japonais en octobre 1941. On trouva chez Max Klausen, le radio du réseau, un message écrit de la main de Sorge : « Notre mission au Japon est achevée... » Bien que trahi par ce message, Sorge, selon l'ouvrage soviétique, ne se décida à parler que lorsque le contre-espionnage nippon découvrit tout sur l'activité du groupe.

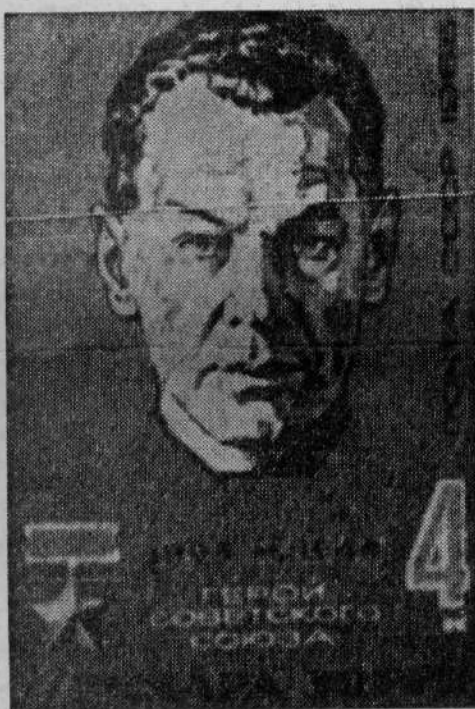
Les auteurs russes affirment que ni Klausen, le technicien-radio, ni Voukelitch, l'un des principaux collaborateurs de Sorge, ne donnèrent aucun renseignement aux Japonais. Dans un autre ouvrage consacré à Richard Sorge (2), deux universitaires américains, qui ont fait une des enquêtes les plus complètes sur cette affaire, tout en mettant en doute certaines affirmations japonaises, selon lesquelles Klausen se « mit à table » le jour même de son arrestation, notent qu'il ne fait aucun doute que le technicien-radio passa aux aveux quatre ou cinq jours plus tard. Voukelitch fit de même, après Klausen.

Le livre soviétique tend, évidemment, à faire de Sorge et de ses camarades des héros de légende. Klausen fut d'ailleurs décoré par l'Allemagne de l'Est en 1964, peu avant que l'URSS ne fit de Richard Sorge le « héros de l'Union soviétique » à titre

se montrer reconnaissante. L'espion ne demeure plus à l'ombre : le moment venu on lui rend même les plus grands honneurs. D'autre part, l'URSS donne la preuve à ses agents que, quelles que soient les circonstances, elle ne les abandonne jamais. Les nombreux échanges d'espions (du colonel Abel notamment) ne suffisaient pas aux Soviétiques : en octobre 1966 ils ont fait évader d'une prison londonienne le fameux George Blake, condamné à 42 ans de détention pour espionnage en leur faveur. Aujourd'hui Blake se promène dans les rues de Moscou, preuve vivante que l'URSS ne laisse pas tomber ses agents une fois qu'ils ont été « brûlés ».

● Staline négligeait les rapports des services secrets

Un autre point mérite d'être relevé dans le livre russe sur Sorge. Il s'agit d'une

Téléphoto AP

En 1965, Richard Sorge était la vedette d'un timbre-poste soviétique. L'étoile dorée (en bas, à gauche) rappelle la décoration qui lui fut accordée à titre posthume : héros de l'Union soviétique.

même fourni aux Soviétiques l'heure de l'attaque ! Cela ne diminue en rien le mérite de Sorge, qui, en définitive, devait fournir aux Russes un autre renseignement, beaucoup plus précieux : le Japon al-